

Жиганова Е. П. (Минск, Беларусь)

РУССКИЕ МЕНТАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ДИАЛОГАХ Ф. ИСКАНДЕРА «ДУМАЮЩИЙ О РОССИИ И АМЕРИКАНЕЦ»

Написанное в 1997 году, произведение Фазиля Искандера «Думающий о России и американец» представляет собой диалог двух героев, затрагивающий проблемы современности. Жанр произведения сложно определить. Даже сам автор затрудняется это сделать (в одном из интервью Ф. Искандер говорит, что он из числа тех писателей, которые специально никогда не ищут формы, скорее, форма его находит, и он подчиняется ее законам).

Это произведение пронизано иронией над реальностью, но еще больше в нем самоиронии, которая касается русского национального характера и тех стереотипов, с которыми мир ассоциирует Россию. В сознании большинства иностранцев Россия непонятна, необъяснима. И ментальный концепт, который реализует это значение, - «русская душа». Но в силу того что объяснить и разгадать русскую душу практически невозможно, это понятие раскладывается на множество составляющих (*космос, балет, русская литература, воровство, любовь, совесть, бездеятельность, душа, терпение, русский язык, подвиг*), каждое из которых требует своей расшифровки.

Интересно, что некоторые концепты являются определяющими русскость для иностранцев (*космос, балет, душа, литература*), а некоторые, напротив, являются самоидентифицирующими для русских (*совесть, бездеятельность, подвиг, русская женщина* и др.). Однако автор, да и герой, ироничен по отношению ко всем этим стереотипам.

Форма диалога позволяет донести значение этих концептов до читателя напрямую. Обычно посыл вкладывается в уста американца (*«тогда поговорим о литературе...»; «можете ли вы что-нибудь рассказать о более глубинном характере русской женщины», «вот о чем мы еще не говорили – о религии», «что такое гордость»* и т.д.), а Думающий о России отвечает на этот посыл достаточно распространено, с примерами. Хотя складывается впечатление некой примитивности, банальной дидактичности (вопрос – ответ, взрослый – ребенок). В этом проявляется снисходительное отношение русских к иностранцам, которое возникает в силу того, что они пережили (переживают) сложный исторический период, научивший их тому, чего никогда не поймут иностранцы.

Так повесть начинается с известного диалога о бездеятельности (*«Что делают в России?» - «Думают о России». - «Я спрашиваю, что делают в России?» - «Я отвечаю - думают о России». - «Вы меня не*

поняли. Я спрашиваю, что делают в России! Какими делами занимаются? Дело, дело какое-нибудь есть?» - «В России думают о России. Это главное дело России»[1, с. 545], который и определяет всю канву произведения.

Думающий иронично утверждает, что в России люди делятся на две категории – думающих о России и воровующих, причем, они в свободное от основного дела время могут меняться местами: думающие – подворовывать, а воровующие – думать о России. И все в России совершается благодаря этим людям.

Необходимо отметить, что герой намеренно запутывает своего собеседника, хотя на внешнем уровне их разговор направлен на то, чтобы разъяснить американцу загадку русской души. Но русский и интересен наличием этой загадки, поэтому разгадывать ее он и не собирается. К тому же у него есть и другой интерес, о котором он намекает в начале диалога и рассказывает в самом конце, – это коммерческий интерес. Поэтому все его объяснения напоминают плетение паутины, в которой американец все больше запутывается. Он иногда это понимает, даже сообщает о своем понимании собеседнику (*«по-моему, вы мне голову морочите»*[1, с. 547]), однако это ничего не меняет: Думающий о России настойчиво объясняет и также последовательно запутывает американца, его речи напоминают алогизмы, где как будто есть логика, но ввиду абсурдности: *«Мы не только любим своих жен и верны им! Я к тому же верен его жене! А он верен моей жене» - «Постойте! Этого же не может быть! Если верен жене друга, значит, с ней живет. Как же при этом быть верным своей жене?» - «Каждый из нас верен жене друга, потому что не знает ее...»* [1, с.554].

Вернемся к тем концептам, которые были заявлены в начале статьи. Воровство. Все воруют, при этом осознают, что это грех. Однако воровство в России победить невозможно, поскольку воруют все, даже Думающие о России (*«Чем больше они думают о России, тем сильнее убеждаются в необходимости воровать. Это подымает дух!»* [1, с.546]). Оправданием этому служит тот факт, что *«государство же не содержит тех, кто думает о России, а им жить надо»* [1, с. 546]. При этом воровующий всегда испытывает жалость к тому, у кого ворует, даже если то, что он ворует, было украденного у другого. И об этом Думающий о России говорит с определенной долей иронии, цитируя А. П. Чехова: *«Мы плачем в основном невидимыми миру слезами»* [1, с. 547]. Правда, герой разводит понятия воровать и подворовывать, тем самым снова давая понять своему собеседнику, что загадочность русской души проявляется и в языке: *«Хорошо. Разберемся в деталях. Я так понял, что в России те, кто внизу, подворовывают. А те, кто сверху, надворовывают, что ли?» - «Полная чепуха. Сразу видно, что вы иностранец и не чувствуете самых трепетных тонкостей нашего языка и нашей психологии. Подворовывать - это человечно, скромно, даже уважительно по отношению к тому, у кого подворовывают...»*[1, с. 547].

Вообще проблема языка затрагивается в повести неоднократно. Вот, например, еще один аспект. Здесь меньше ерничанья и балагурства, к которому привыкает читатель на протяжении произведения. Думающий о России говорит о знании языка: *«Я знаю английский настолько, что англичане в моем присутствии не могут меня обмануть. Но и я их не могу обмануть на английском языке. Высшее знание языка – это умение правдоподобно обманывать на этом языке»* [1, с. 564]. Это своеобразная попытка намекнуть американцу на суть происходящего здесь и сейчас, в состоянии ли последний его понять – это другой вопрос. Это хитрость и честность одновременно, еще две черты, которые составляют русский национальный характер (об этом рассказывается в эпизоде о мнимом слепом).

Необходимо отметить, что герой произведения – Думающий о России – не имеет имени собственного, это собирательный образ, в который легко вливается любой из героев, о котором он рассказывает (как в случае с хитрым и честным мнимым слепым).

Одним из популярных концептов, определяющих Россию для иностранцев, является русская литература. В произведении упоминаются имена русских классиков (Пушкин, Шолохов, Толстой, Достоевский). Однако здесь Думающего о России и американца интересуют разные аспекты русской литературы. Например, Пушкин не стал интересен и близок иностранцам в силу своей чрезвычайной русскости, однако знакомство с его творчеством – попытка понять русскую душу. Для Думающего (и здесь мнение героя абсолютно совпадает с мнением автора, свидетельством чему могут служить его высказывания в различных интервью) Пушкин – это надежда на будущее России (*«Мы все еще живы благодаря Пушкину. Ст Пушкина струится столько добра, что каждый россиянин, читавший и понимавший Пушкина, убеждается: раз Пушкин жил в России, значит, Россию ждет что-то хорошее...»*) [1, с. 559]). При этом интерес к литературе у американца прагматический (это орудие для понимания русской души), и в большей степени его интересует не само творчество, а тот миф и слухи, которые окружают имя классика (*«Но нет ли странного преувеличения, культа Пушкина в России?»*; *«Что вы думаете о Шолохове и романе «Тихий Дон»? <...> Но все-таки он написал?»*) [1, с. 558]). Понятно, что подобное знакомство с русской литературой не только не помогает понять русского человека, но и все дальше уводит от этого понимания.

Такие бренды русскости, как космос и балет, которые абсолютно восприняты западным миром, подвергаются ироничному осмеянию самими русскими в силу того, что они в меньшей мере определяют эту русскость, поскольку уже давно превратились в клише. Думающие о России давно «из них выросли», именно поэтому проститутки из отеля презентуются американцу как балерины, а говоря о космосе, герой

упоминает пьяницу, который по поводу полета Гагарина *описал* круг вокруг себя.

Таким образом, диалоги Ф. Искандера явились своевременным откликом на события постперестроечной эпохи. В них мы наблюдаем, как переосмысливались те ценности, которые долгое время маркировали Россию для всего мира и для самой России.

Литература

1. Искандер, Ф. А. Рассказы, повесть, сказка, диалог, эссе, стихи / Ф. А. Искандер. – Екатеринбург: «У-Фактория», 1999. – 704 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ